

Виссарион Григорьевич Белинский
«Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или
Мертвые души”»

В. Г. Белинский

**«Несколько слов о
поэме Гоголя “Похождения
Чичикова или Мертвые...”**

Текст предоставлен правообладателем. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2696665

Аннотация

Настоящая статья Белинского о «Мертвых душах» была напечатана после того, как

петербургская и московская критика уже успела высказаться о новом произведении Гоголя. Среди этих высказываний было одно, привлечшее к себе особое внимание Белинского, – брошюра К. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова или мертвые души». С ее автором Белинский был некогда дружен в бытность свою в Москве. Однако с течением времени их отношения перешли в ожесточенную идейную борьбу. Одним из поводов (хотя отнюдь не причиной) к окончательному разрыву послужила упомянутая брошюра К. Аксакова.

Виссарион Григорьевич Белинский «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мертвые души”»

Мы ничего не хотели было говорить об этой странной брошюре; но нас побудили к этому следующие в ней строки:

«Мы знаем, многим покажутся странными слова наши; но мы просим в них вникнуть. Что касается до мнения петербургских журналов, очень известно, что они подумают (впрочем, исключая, может быть, «Отечественных записок», которые хвалят Гоголя); но не о петербургских журналистах говорим мы; напротив, мы о них и не говорим; разве в Петербурге может существовать круг их деятельности!..»

Хоть мы и не имеем никаких причин особенно горячиться за все петербургские журналы, но все-таки долг справедливости требует заметить автору брошюры, что круг деятельности некоторых петербургских журналов простирается не только на Петербург, но и на Москву и на все провинции России, куда выписываются они тысячами, и что, наоборот, круг деятельности некоторых московских журналов не простирается даже и на Москву, ибо ни найти их там, ни услышать о них там что-нибудь решительно невозможно. Это факт, против которого не устоит никакое умозрение – ни немецкое, ни московское.

Но и не это обстоятельство заставило нас говорить о том, о чем легко можно было бы умолчать, а снисходительное выключение «Отечественных записок» из опалы, под которую подпали у строгого автора петербургские журналы. Пожалуй – чего доброго! – найдутся люди, которые заключат из этого, что «Отечественные записки» разделяют мнение автора брошюры о Гоголе и о «Мертвых душах»: вот этого-то мы никак не хотели бы, и желание отклонить от себя незаслуженную честь участвовать в ультраумозрительных московских воззрениях на просто понимаемое нами дело, побудило нас взяться за перо. Мысли автора брошюры о Гоголе и его творениях так оригинальны, так отважны, что едва ли кто-нибудь осмелился бы разделить с ним славу их изобретения. Итак, спешим объяснить.

«Пред нами возникает новый характер создания, является оправдание целой сферы поэзии, сферы, давно унижаемой; древний эпос восстает перед нами».

Вот что прежде всего видит автор брошюры в «Мертвых душах»! Дело, видите ли, такого рода: перенесенный из Греции на Запад, древний эпос мелел постепенно и, наконец, совсем высох, *низойдя* до романов и, наконец, до крайней степени своего унижения – до французской повести... Но Гоголь спас древний эпос – и мир имеет теперь новую «Илиаду», то есть «Мертвые души» и нового Гомера, то есть Гоголя!.. Бедный Гоголь!

Не поздоровится от таких похвал!..

Итак, эпос древний не есть исключительное выражение древнего мирозерцания в древней форме: напротив, он что-то вечное, неподвижно стоящее, независимо от истории; он может быть и у нас, и мы его имеем в «Мертвых душах!..»

Итак, эпос не развился исторически в роман, а *снизошел* до романа!.. Поздравляем философское умозрение, плохо знающее фактическую историю!..

Итак, роман есть не эпос нашего времени, в котором выразилось созерцание жизни современного человечества и отразилась сама современная жизнь: нет, роман есть искажение древнего эпоса?.. Уж и современное-то человечество не есть ли искаженная Греция?.. Именно так!..

Но, увы! как ни ясны умозрительные доводы автора брошюры, а мы, прозаические

петербургцы, все-таки остаемся при своих *исторических* убеждениях и думаем, что Гоголь так же похож на Гомера, а «Мертвые души» на «Илиаду», как серое петербургское небо и сосновые рощи петербургских окрестностей на светлое небо и лавровые рощи Эллады. Далее, мы думаем, что Гоголь вышел совсем не из Гомера и не состоит с ним ни в близком, ни в дальнем родстве, – думаем, что он вышел из Вальтера Скотта, из того Вальтера Скотта, который мог явиться сам собою, независимо от Гоголя, но без которого Гоголь никак не мог бы явиться.¹ Во французской повести мы видим не крайнее унижение древнего эпоса, а просто французскую повесть, выражение, зеркало французской жизни. Мы даже не видим ничего особенно позорного и в немецких повестях, часто отражающих в себе не сферу действительной жизни, а химеры фантазии, испорченной пивом, кнастером и филистерством. Что выражает собою дух всемирно-исторической нации, то не может быть вздором, и та философия, которая называет вздором подобные вещи, сама вздор, хотя б она была и абсолютная...

Правда, автор брошюры, кажется, и сам смекнул, что он уже слишком занесся, и поспешил заметить, что «Мертвые души» не одно и то же с «Илиадою», ибо-де «само содержание кладет здесь разницу»; но тут же, в выноске, замечает он: «Кто знает, впрочем, как раскроется содержание «Мертвых душ» (стр. 5). На это мы можем отвечать утвердительно, что как бы ни раскрылось оно, какой бы величавый, лирический ход ни приняло оно вместо юмористического, все-таки «Илиада» будет сама по себе, а «Мертвые души» будут сами по себе. «Илиада» выразила собою содержание положительное, действительное, общее, мировое и всемирно-историческое, следовательно, вечное и неумирающее; «Мертвые души», *равно как и всякая другая русская поэма*, пока еще не могут выразить подобного содержания, потому что еще негде его взять, а на «нет» и суда нет. Автор брошюры видит у Гоголя «эпическое созерцание, древнее, истинное, то же, какое у Гомера»: это показывает, что он совершенно не понял пафоса «Мертвых душ» и, обольстившись умозрениями собственного изобретения, навязал поэме Гоголя значение, которого в ней вовсе нет. Напрасно он не вникнул в эти глубоко знаменательные слова Гоголя: «И долго еще определено мне чудной властью итти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы» («Мертвые души», стр. 258). В этих немногих словах высказано все значение, все содержание поэмы, и намекнуто, почему она названа «поэмою». В смысле поэмы «Мертвые души» диаметрально противоположны «Илиаде». В «Илиаде» жизнь возведена на апофеозу; в «Мертвых душах» она разлагается и отрицается; пафос «Илиады» есть блаженное упоение, проистекающее от созерцания дивно божественного зрелища; пафос «Мертвых душ» есть юмор, созерцающий жизнь сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы. Что же касается до эпического спокойствия, – оно совсем не исключительное качество поэмы Гоголя: это – общее родовое качество эпоса. Романы Вальтера Скотта и Купера поэтому также отличаются эпическим спокойствием.

Нельзя без улыбки читать 9-й страницы брошюры, где автор заставляет Ахилла новой «Илиады», плутоватого Чичикова сливаться с субстанциальною стихиею русской жизни в чем бы вы думали? – в любви к скорой езде!.. Итак, любовь к скорой почтовой езде – вот субстанция русского народа!.. Если так, то, конечно, почему ж бы Чичикову и не быть Ахиллом русской «Илиады», Собакевичу – Аяксом неистовым (особенно во время обеда), Манилову – Александром Парисом, Плюшкину – Нестором, Селифану – Автомедоном, полицмейстеру, отцу и благодетелю города, – Агамемноном, а квартальному с приятным румянцем и в лакированных ботфортах – Гермесом?..

В сравнениях, рассеянных по поэме Гоголя, автор брошюры особенно видит сродство его с Гомером. Но это сродство существует также и между Пушкиным и Гомером, что можно фактически доказать ссылками на «Евгения Онегина» и другие поэмы Пушкина... Думаем, что с этой стороны у Гомера довольно наберется родни.

Говоря о полноте жизни, в которой изображает Гоголь свои лица и которая,

¹ Указывая на связь Гоголя с Вальтером Скоттом, Белинский подчеркивал закономерность появления творчества Гоголя, как своеобразного этапа в развитии современного эпоса, и тем самым устранял нелепое сравнение К. Аксаковым «Мертвых душ» с древнегреческим эпосом Гомера.

действительно, удивительна, автор брошюры не точно выразился, сказав, будто «Гоголь не лишает лицо, отмеченное мелкостью, низостью, ни одного человеческого движения»: надо было сказать – иногда не лишает каких-нибудь человеческих движений или что-нибудь подобное. А то, чего доброго! окажется, что и дура Коробочка, и буйвол Собакевич не лишены ни одного человеческого чувства и потому ничем не хуже любого великого человека. Напрасно также автор брошюры вздумал смотреть с участием на глупую и сентиментальную розмазну Манилова, когда тот идиотски мечтает о том, как он с Чичиковым пьет чай на бельведере, с которого видна Москва, как они с ним приезжают в какое-то общество в хороших каретах, обвораживают всех приятностию обращения и как само высшее начальство, узнавши о такой их дружбе, пожаловало их генералами... Признаемся, мы читали это со смехом и без всякого участия к личности Манилова, может быть, потому именно, что не имеем в себе ничего родственного с такого рода «мечтательными» личностями.

Далее, автор брошюры доказывает, что такой полноты создания, какова у Гоголя, не встретить ни у кого, кроме как у Гомера и Шекспира. «Да, говорит он, только Гомер, Шекспир и Гоголь обладают этою тайною искусства». – А Пушкин... Да куда уж тут Пушкину, когда Гоголь заставил (впрочем, без всякого с своей стороны желания – мы за это ручаемся) автора брошюры забыть даже о существовании Сервантеса, Данта, Гёте, Шиллера, Байрона, Вальтера Скотта Купера, Беранже, Жоржа Занда!.. Все они – пас перед Гоголем!.. Куда им до него! Гомер, Шекспир и Гоголь – больше никого мы не хотим знать, что ни говори себе «неблагоденные» люди!.. Однакож автор брошюры позволяет Гомеру и Шекспиру стоять подле Гоголя только по акту создания, а по содержанию он ставит их выше его. «В отношении к акту творчества, в отношении к полноте самого создания – Гомера и Шекспира, и только Гомера и Шекспира, ставим мы рядом с Гоголем». Какие счастливыцы эти Гомер и Шекспир! И как жаль, что бог не дал им дожить до такого счастья!.. «Мы, – говорит автор брошюры, – далеки от того, чтобы унижать колоссальность других поэтов, но в отношении к акту творчества они ниже Гоголя» (стр. 15). Но, говоря далее, автор брошюры жестоко проговаривается, сам того не замечая, и дает нам прекрасное средство его же орудием сдуть построенные им карточные домики фантазерских умозрений:

«Разве не может быть так, например (продолжает автор брошюры): поэт, обладающий полнотою творчества, может создать, положим, цветок, но во всем его совершенстве, во всей свободе его жизни; другой создаст великого человека, взявши большее содержание, но только пометит его общими чертами; велико будет дело последнего, но оно будет ниже в отношении к той полноте и живости, какую дает поэт, обладающий тайною творчества» (стр. 15).

Во-первых, рассуждая о деле творчества, нечего и говорить о поэтах, не обладающих тайною творчества, и заставляя их намечать общими чертами идеалы великих людей; надо великого поэта противопоставлять великому же поэту. В таком случае мы, не обинуясь, скажем, что слегка намеченный идеал великого человека будет более великим созданием, нежели во всей полноте и во всей свободе жизни воспроизведенный цветок. Две стороны составляют великого поэта: естественный талант и дух, или содержание. Это-то содержание и должно быть мерилем при сравнении одного поэта с другим. Только содержание делает поэта мировым: высшая точка, зенит поэтической славы. Прежде, смотря на поэта больше со стороны естественного таланта и желая выразить одним словом высшее его явление, мы думали воспользоваться для этого эпитетом «мирового»; но скоро, увидев, что через это смешиваются два различные представления, мы оставили безразличное употребление этого слова. Мировой поэт не может не быть великим поэтом; но великий поэт еще может быть и не мировым поэтом. Здесь не место распространяться об этом предмете; но если вы хотите знать, что такое «мировой» поэт, возьмите Байрона хоть в прозаическом французском переводе, и прочтите из него, что вам прежде попадет на глаза. Если вы не падете в трепете перед колоссальностью идей этого страшного ученика Руссо, этого глубокого субъективного духа, этого потомка мифических титанов, громоздивших горы на горы и осаждавших Зевеса на его неприступном Олимпе, – тогда не понять вам, что такое «мировой» поэт. Прочтите «Фауста» и «Прометея» Гёте, прочтите трепещущие пафосом любви ко всему человеческому создания Шиллера – и вы устыдитесь, что этих колоссов, идущих в главе всемирно-исторического движения целого человечества, поставили вы ниже великого русского поэта... Что же касается до вашего

сравнения художественно созданного цветка с слегка наброшенным идеалом великого человека, мы укажем вам на пример не из столь великой сферы. «Боярин Орша» Лермонтова – произведение не только слегка начерченное, но даже детское, где большею частью ложны и нравы, и костюмы: но просим вас указать нам на что-нибудь и побольше цветка, что могло бы сравниться с этим гениальным очерком. Отчего это? – оттого, что в детском создании Лермонтова веет дух, перед которым потускнеет не одно художественное произведение – цветок ли то, или целый цветник...

«Итак (продолжает автор брошюры), этим сравнением (хотя вообще сравнения объясняют неполно, но чтобы не писать длинной статьи) надеемся мы пояснить наши слова: *в отношении к акту творчества*. Но боже нас сохрани, чтобы миниатюрное сравнение с цветком было в наших глазах мерилом для великих созданий Гоголя: мы хотим только сказать, что он обладает тою же тайною, какою обладали Шекспир и Гомер, и только они»... «Итак, повторим наши слова, как бы они странны ни казались: только у Гомера и Шекспира можем мы встретить такую полноту созданий, как у Гоголя; только Гомер, Шекспир и Гоголь обладают великою, одною и тою же тайною искусства» (стр. 15–16).

Положим даже, что все это и так, но вот вопрос: что же во всем этом и чему именно тут радоваться?.. Во-первых, еще совсем не доказанная истина, совсем не аксиома, что Гоголь, по акту творчества, выше хоть, например, Пушкина и позволяет стоять подле себя только Гомеру и Шекспиру, – и мы очень жалеем, что автор брошюры не взял на себя труда доказать это, а ограничился несколькими фразами, вроде оракульских. Во-вторых, акта творчества еще мало для поэта, чтоб имя его стало наряду с именами Гомера и Шекспира... Все это ужасно сбивается на риторику и фразы, все это так похоже на игру в эстетические каламбуры. Занятие, конечно, невинное, но и ни к чему не ведущее, кроме профанации именно того, что составляет предмет детского удивления. Где, укажите нам, где веет в созданиях Гоголя этот всемирно-исторический дух, это равно общее для всех народов и веков содержание? Скажите нам что бы случилось с любым созданием Гоголя, если б оно было переведено на французский, немецкий или английский язык? Что интересного (не говоря уже о великом) было бы в нем для француза, немца или англичанина? Где же права Гоголя стоять наряду с Гомером, Шекспиром? – Знаете ли, что мы сказали бы на ушко всем умозрителям: когда развернешь Гомера, Шекспира, Байрона, Гёте или Шиллера, так делается как-то неловко при воспоминании о наших Гомерах, Шекспирах, Байронах и пр. Вальтером Скоттом тоже шутить нечего: этот человек дал историческое и социальное направление новейшему европейскому искусству.

И, однакож, мы сами считаем Гоголя великим поэтом, а его «Мертвые души» – великим произведением. Но в первом случае мы разумеем естественный талант, по которому Гоголь, как и Пушкин, действительно напоминают собою величайшие имена всех литератур. В самом деле, нельзя не дивиться его умению оживлять все, к чему ни прикоснется, в поэтические образы, – его орлиному взгляду, которым он проникает во глубину тех тонких и для простого взгляда недоступных отношений и причин, где только слепая ограниченность видит мелочи и пустяки, не подозревая, что на этих мелочах и пустяках вертится, увы! – целая сфера жизни. Но Гоголь великий русский поэт, не более; «Мертвые души» его – тоже только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение. Такова пока судьба всех русских поэтов; такова судьба и Пушкина. Никто не может быть выше века и страны; никакой поэт не усвоит себе содержания, не приготовленного и не выработанного историею. Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанциального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано. И, однакож, мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени; он также менее теряется в разнообразии создаваемых им объектов и более дает чувствовать присутствие своего субъективного духа, который должен быть солнцем, освещающим создания поэта нашего времени. Повторяем: чем выше достоинство Гоголя как поэта, тем важнее его значение для русского общества, и тем менее может он иметь какое-либо значение вне России. Но это-то самое и составляет его важность, его глубокое значение и его – скажем смело-колоссальное величие для нас, русских. Тут нечего и упоминать о Гомере и Шекспире, нечего и путать чужих в свои семейные тайны. «Мертвые души» стоят «Илиады», но только для России: для всех же

других стран их значение мертво и непонятно.

Было время, когда на Руси никто не хотел верить, чтоб русский ум, русский язык могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за гениальность на святой Руси, а свое русское, хотя бы и отличное высокою даровитостию, презиралось за то только, что оно русское. Время это, слава богу, прошло, и теперь настало другое, когда нам уже нипочем и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, потому что мы успели уже позавестись своими, – мы чужих становим в шеренги, словно солдат заставляем их маршировать и справа и слева, и взад и вперед, благо бедняжки молчат и повинуются нашему гусиному перу и тряпичной бумаге. Но пора кончиться и этому времени, пора бросить эти ребяческие фразы...

Юность не хочет и знать этого. Чуть взбредет ей в голову какая-нибудь недоконченная мечта – тотчас ее на бумагу с тем наивным убеждением, что эта мечта – аксиома, что миру открыта великая истина, которой не хотят признать только невежды и завистники... А там что? – Кому суждено возмужать, тот потихоньку забудет о том, о чем так громко говорил прежде, или будет сам смеяться над этим, как над грехом юности... Но есть люди, которые или навек остаются детьми, или навек остаются юношами: их убеждение не слабеет; они продолжают высказывать его с прежним простодушием, и новые фантазии, подобные прежним, тянутся у них до гроба длиною вереницею, как мечты у Манилова по отъезде Чичикова...²

Комментарии

Настоящая статья Белинского о «Мертвых душах» была напечатана после того, как петербургская и московская критика уже успела высказаться о новом произведении Гоголя. Среди этих высказываний было одно, привлечшее к себе особое внимание Белинского, – брошюра К. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова или мертвые души». С ее автором Белинский был некогда дружен в бытность свою в Москве. Однако с течением времени их отношения перешли в ожесточенную идейную борьбу. Одним из поводов (хотя отнюдь не причиной) к окончательному разрыву послужила упомянутая брошюра К. Аксакова. В ней доказывалось, что поэма Гоголя своим содержанием, характером, поэтической формой возрождала в русской литературе традиции гомеровского эпоса. «В поэме Гоголя является нам... древний, гомеровский эпос», – писал Аксаков (М., 1842, стр. 4). И еще: «Созерцание Гоголя древнее, истинное, то же, какое и у Гомера... из-под его творческой руки восстает, наконец, древний, истинный эпос» (там же, стр. 5). По мнению Аксакова, недостаточное уважение к древнему эпосу привело к падению современной литературы; история мировой литературы после Гомера являет собой процесс неуклонного движения вниз, пока, наконец, древний эпос не выродился в современный роман. Белинский в своей статье подверг резкой критике антиисторическую концепцию Аксакова, показав вздорность его сопоставлений Гоголя с Гомером, доказав, что современный роман является не искажением и не порождением древнего эпоса, но есть явление, развившееся из самой жизни, есть «эпос нашего времени», в котором отразилась современная действительность.

Завязалась полемика. К. Аксаков, уязвленный критикой Белинского, выступил с антикритикой («Москвитянин», 1842, № 9, 220–229). Белинский ответил в 11-й книжке «Отечественных записок» новой большой статьей: «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» (см. наст. том).

Смысл статей Белинского, однако, далеко не исчерпывался опровержением антиисторической схемы К. Аксакова о генезисе гоголевской поэмы. Спор коснулся и ряда других вопросов. Аксаков, например, выдвигал в Гоголе на первый план «акт творчества». Белинский не соглашался с ним: «Без акта творчества нет поэта – это аксиома; но в наше время мерилом величия поэтов принимается не акт творчества, а идея, общее...» Под «общим» Белинский понимал содержание. Ни по идее, ни по содержанию «Мертвые души» ничего схожего, по утверждению Белинского, не имеют с древним эпосом. Ибо пафос «Илиады» – в

² Белинский здесь сопоставляет себя и К. Аксакова (ср. это место с характеристикой К. Аксакова в письме Белинского к И. И. Панаеву от 19 августа 1839 г.). («Письма», т. I, 333).

возведении жизни «на апофеозу», между тем как «в «Мертвых душах» она разлагается и отрицается». Там – пафос утверждения, здесь – пафос отрицания.

Белинский называет Гоголя гениальнейшим национальным поэтом. Сравнивая Гоголя с Пушкиным, он отдает преимущество первому: «...мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени; он также менее теряется в разнообразии создаваемых им объектов и более дает почувствовать присутствие своего субъективного духа, который должен быть солнцем, освещающим создание поэта нашего времени». К. Аксаков видел пафос «Мертвых душ» в спокойном, «эпическом созерцании». Белинский отвергал подобную «созерцательную» интерпретацию творчества Гоголя. Пафос его реализма он видит в протестующей и отрицающей «субъективности». Именно Гоголя Белинский вскоре будет противопоставлять реализму созерцательному, реализму «свершившегося цикла жизни».

Брошюра К. Аксакова возбудила большой шум в журнальных кругах, особенно после статьи Белинского. Гоголь, узнав о брошюре и о том впечатлении, которое она произвела, неодобрительно отнесся к выступлению Аксакова: «ей рано быть напечатанной теперь» («Письма», ред. Шенрока, II, 205). В течение многих лет брошюра Аксакова была предметом резкой критики со стороны прогрессивной журналистики. В 1860 году ее высмеял Добролюбов в статье «Благонамеренность и деятельность» (Собр. соч., ГИХЛ, 1935, т. II, 242).

Полемика между Белинским и Аксаковым не исчерпывалась вопросом о «Мертвых душах», это был спор о смысле творчества Гоголя в целом, о сущности искусства вообще. Это был принципиальный спор о том, должно ли искусство утверждать «гнусную расейскую действительность» или отрицать ее. К этому же сводился смысл борьбы Белинского с Булгариным, Сенковским, Полевым, Шевыревым. Реакционная критика утверждала, что «Мертвые души» ничего общего не имеют с русской действительностью, что Гоголь клеветает на Россию, что он нарисовал уродливую карикатуру на нее. Отсюда столь упорные старания доказать зависимость Гоголя от того или иного западно-европейского писателя. Сенковский и Булгарин видели в Гоголе неудачного продолжателя Гомера и Поль-де-Кока, Шевырев доказывал, что Гоголь ученик Данте и Ариосто; Полевой видел в Гоголе подражателя Диккенса. Белинский был первым критиком, оценившим истинное значение «Мертвых душ». По мнению критика, Гоголь в своей поэме объективировал современную действительность, и поэтому «еще не было доселе более важного для русской общественности произведения». Своими статьями о «Мертвых душах» Белинский дал глубокую демократическую интерпретацию творчества Гоголя.

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. В статье «Объяснение на объяснение...» Белинский отмечает некоторые симптомы в новом произведении, которые кажутся ему тревожными с точки зрения дальнейшего развития творчества Гоголя. Он говорит, что как художник Гоголь необыкновенно силен в непосредственном акте творчества, но эта «непосредственность» «отводит ему глаза от идей и нравственных вопросов, которыми кипит современность». Белинский подчеркивает «умственный аскетизм» Гоголя, недостаточность его «интеллектуального развития». Некоторые намеки в «Мертвых душах» приводят критика в «тревожное раздумье» относительно того, как раскроется содержание остальных двух частей поэмы, обещанных автором. Белинский цитирует высказанное Гоголем предположение о том, что, быть может, «в сей же самой повести почувются иные, доселе небранные, струны, предстанет несметное богатство русского духа...», и воспринимает эти слова как обещание показать в последующих частях «Мертвых душ» какую-то другую сторону крепостнической России, нечто противоположное тем мерзостям, которые с такой яростной силой бичевал художник в первой книге. Это заставило Белинского насторожиться. «Много, слишком много обещано, – пишет он, – так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете...» С гениальной прозорливостью Белинский здесь предсказал обреченность замысла, который Гоголь тщетно попытается вскоре осуществить во второй части «Мертвых душ».

Белинский предполагал написать большую обобщающую статью о Гоголе, но, к сожалению, заваленный срочной журнальной работой, не смог осуществить свой замысел. Все же и в настоящих статьях (см. три следующие), связанные единством темы и концепции,

Белинский достаточно определенно высказался о сущности и значении гоголевского творчества.